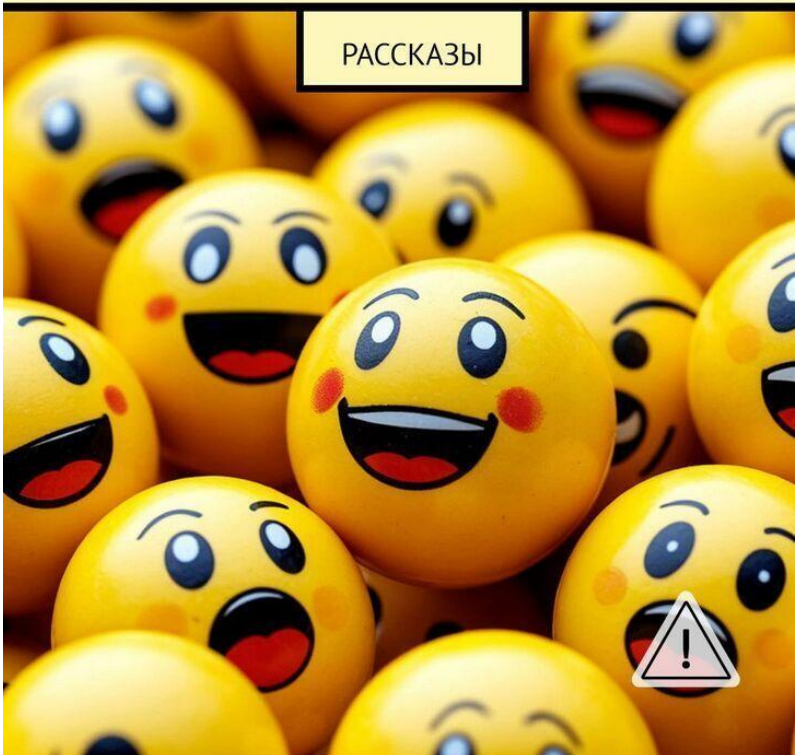
18+

ЛЕОНИД КАРПОВ

Ипатий Коловратий

РАССКАЗЫ



Леонид Карпов

Ипатий Коловратий. Рассказы

https://litres.ru/74148284
ISBN 9785006997509

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Готовы поднять себе настроение и немного посмеяться? Сборник из 165 коротких рассказов — это литературный деликатес для тех, кто устал от серьезных щей. Под одной обложкой сошлись бытовые курьезы, дерзкая ирония и пикантные ситуации, в которых каждый узнает если не себя, то соседа. От титульного рассказа до финальной точки — это драйвовый аттракцион, где юмор граничит с гротеском, а реальность трещит по швам. Открывайте осторожно: высокая концентрация веселья, пикантности и жизнелюбия!

Содержание

Ипатий Коловратий	6
А была ли девочка?	11
Гений или сумасшедший?	15
Кто опрокинул елку?	17
Кибер-пельмень и другие шедевры	19
Дьявол кроется в автодеталях	22
Город Ворон-на-Еже	24
Балет	26
Шелест денег	28
Пятнадцатилетний капитан	30
Илон Маск и покорение «Сникерса»	32
Завистливый взгляд кота	34
Вторая Франция	35
Утонченная натура	37
Агрофитнес: полезное с полезным	39
Банка тушенки	41
Звонок из «загробного мира»	43
Восьмое марта	45
Глупая, но счастливая	48
Планета Дзен	50
Жизнь и смерть	52
Политика — искусство быстрого переобувания	54
Хроники одомашненного гоминида	56

Солидная деревня 58
Леди Элтон 60
Внезапный кактус 62
Ее звали Володька 64
Морщинистый соленый огурчик 66
«Муж на час» 68
Ни о чем и еще немного меньше 71
Колобок женится 80
Зависть к Дмитрию Анатольевичу 83
Пятница 13-го 85
Привет, Архимед! 87
Новый закон довел до экстаза 89
Умный пылесос 95
Грамотная упаковка 97
Дискотека 99
Допинг 100
Вы все меня бесите! 102
В Интернете кто-то опять неправ! 104
Госуслуги — космический сервис! 106
Йога-дискотека 108
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Ипатий Коловратий
Рассказы

Леонид Карпов

© Леонид Карпов, 2026

ISBN 978-5-0069-9750-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ипатий Коловратий

Ипатий Коловратий был настолько маскулинен, что когда он входил в лифт, у того срабатывал датчик перегрузки, хотя Ипатий был один. Его грудь, поросшая густым курчавым лесом, напоминала рельеф Среднерусской возвышенности, а руки были созданы для того, чтобы гнуть подковы и сжимать то, что не желает сжиматься.

В тот вечер Ипатий решил заняться кулинарией. Не той, где «щепотка соли», а той, где «удар кулаком по тесту». К нему должна была заглянуть соседка Элеонора — женщина тонкой душевной организации и еще более тонкой талии.

Элеонора вошла в квартиру и замерла. Ипатий стоял на кухне в одном фартуке на голое тело. На фартуке был изображен греческий атлант, но по сравнению с Ипатием атлант выглядел как жертва веганской диеты.

— Ипатий… — прошептала она, глядя, как на его бицепсе пульсирует вена, размером с садовый шланг. — Что вы делаете?

— Взбиваю, — коротко бросил Коловратий.

В его руках был массивный венчик. Он вращал им в глубокой медной миске с такой скоростью, что вокруг Ипатия образовался локальный циклон. Белки сопротивлялись, но под взглядом Коловратия у них не было шансов — они густели, наливались белизной и превращались в пики такой твер-

дости, что об них можно было порезаться.

— У вас… очень уверенные движения, — заметила Элеонора, медленно сползая по косяку.

— Рычаг и амплитуда, — Ипатий отставил миску. — В любом деле важна правильная подача момента.

Он взял со стола огромный кочан капусты. Элеонора вскрикнула, когда Ипатий одним коротким, но сокрушительным движением вогнал нож в самую сердцевину.

— Она была слишком твердой, — пояснил Ипатий не оборачиваясь. — Но я нашел к ней подход.

Он начал шинковать. Звук был такой, будто пулемет «Максим» косит заросли тростника. Ипатий работал ритмично. Раз-два. Раз-два. Мышцы на его спине перекатывались, как живые змеи под кожей.

— Элеонора, — Ипатий внезапно замер и обернулся. Его лоб блестел от испарины. — Подойдите. Мне нужна ваша… интуиция.

Она подошла, чувствуя исходящий от него жар, как от прогретой печи. Ипатий взял ее руку своей огромной ладонью — теплой и шершавой, как наждак номер ноль.

— Попробуйте фарш, — сказал он, поднося к ее губам тяжелую деревянную ложку. — Я добавил туда слишком много острого перца. Боюсь, не каждый сможет это вынести.

Элеонора лизнула край ложки, не сводя глаз с его волевого подбородка.

— О боже, Ипатий… Он обжигает.

— Это только начало, — Ипатий Коловратий сделал шаг вперед, и Элеонора почувствовала спиной холодный край холодильника «ЗиЛ». — Сейчас я буду зажигать… духовку. У нее капризный пьезоэлемент, нужно долго держать палец на кнопке, чтобы искра превратилась в пламя.

— Вы справитесь, Ипатий? — выдохнула она.

Коловратий усмехнулся, и в его глазах блеснул отблеск кухонной конфорки.

— В этой квартире, Элеонора, еще ничто не уходило от меня не прожаренным до самой глубины.

Он медленно потянулся к духовке, и фартук на его спине натянулся так, что атлант на груди, казалось, издал победный клич. А через секунду фартук треснул с сухим звуком лопнувшего парусника, обнажив тылы, мощные и непоколебимые, как скалы Аю-Дага.

Где-то на четвертом этаже сработала пожарная сигнализация, но Ипатию было все равно — его собственный датчик дыма уже давно зашкалило, а огнетушитель в штанах требовал немедленной инспекции.

— Элеонора, — пророкотал он не оборачиваясь, — придержите заслонку. Она у меня… тугая.

Элеонора, чьи зрачки расширились до размеров кофейных блюдец, робко коснулась металлической ручки. В этот момент Ипатий, решив, что пора переходить к решительным действиям, резко крутанул вентиль газа. Раздался хлопок, сопоставимый с залпом крейсера «Аврора», и из недр плиты

вырвался огненный протуберанец, который мгновенно слизнул остатки бровей Коловратия.

Ипатий даже не моргнул. Он медленно повернул к ней свое лицо — красное, опаленное, но полное первобытной страсти.

— Видите? — прошептал он, и от его дыхания у Элеоноры закурчавились волосы на затылке. — Искра пробежала. Теперь главное — не сбавлять обороты, иначе тесто опадет.

— Ипатий, — пискнула Элеонора, прижимаясь к холодильнику так плотно, что на ее спине отпечатался логотип «ЗиЛ» и знак качества СССР. — А мы… мы точно будем только печь?

Коловратий навис над ней, как грозовая туча над беззащитным полем лютиков. Он взял в руки скалку, которая в его лапищах выглядела как зубочистка, и начал медленно втирать в нее муку.

— Печь, Элеонора, — это искусство. Сначала мы подготовим поверхность, — он посыпал стол мукой так густо, что кухня стала похожа на кокаиновый притон в Майами. — Затем мы тщательно разомнем основу… Я люблю, когда основа податлива, но пружинит под пальцами. А потом…

Он сделал паузу, и в тишине было слышно, как в соседней квартире от его магнетизма сбились настройки у телевизора.

— А потом мы поместим наше содержимое в самое жаркое место. И поверьте, я буду следить за процессом до тех пор, пока корочка не станет… пунцовой.

Элеонора посмотрела на скалку, потом на Ипатия, потом снова на скалку.

— Знаете, Ипатий, — выдохнула она, расстегивая верхнюю пуговицу блузки, которая и так держалась на честном слове и молитвах святого Вакуума, — кажется, у меня тоже… духовка перегрелась. Требуется срочное проветривание.

Коловратий ухмыльнулся, обнажив зубы, которыми можно было перекусывать арматуру.

— Проветривание отменяется, Элеонора. У меня в этой квартире… двойной стеклопакет и режим полной изоляции. Будем потеть, пока не пропечемся до самого мякиша.

И с этими словами он одним движением смахнул со стола вазу с геранью, освобождая место для… генеральной репетиции кулинарного шедевра.

А была ли девочка?

Недалекое будущее. Главной проблемой стала не инфляция, а то, что фитнес-браслеты научились стучать на владельцев. Съел чебурек после шести вечера — и через три минуты страховая присылает уведомление: «Ваш полис подорожал на пять тысяч. Приятного аппетита, толстячок».

Валера сидел на лавке, пряча в кулаке запрещенную сосиску в тесте. Вдруг он увидел ее.

Посреди двора, на новеньком резиновом покрытии, стояла девочка в советской школьной форме. Коричневое платье, фартук, огромные белые банты. В руках — скакалка. Она прыгала в полной тишине. Раз, два, три.

Валера подавился тестом. Последний раз школьную форму старого образца он видел в кино про Штирлица и на сомнительных вечеринках.

— Слышь, малая, — просипел Валера, оглядываясь по сторонам. — Ты откуда такая? Косплей-фестиваль в библиотеке?

Девочка остановилась. Банты качнулись, но не как у робота — плавно, а как положено: один чуть сполз набок.

— Дяденька, — сказала она тонким, живым голосом, — а вы не видели моего папу? Он ушел за подпиской на «Кинопоиск» и не вернулся.

Валера напрягся. В его времени «уйти за подпиской»

означало либо запой, либо попытку обойти блокировки через соседа-хакера.

— Слушай, — Валера достал смартфон, чтобы сфотографировать это чудо и залить в чат дома, — ты стой так. Сейчас разберемся.

Он навел камеру. Экран смартфона вдруг замигал красным: «Ошибка идентификации. Объект не прогружен. Проверьте соединение с реальностью».

— Опа, — выдохнул Валера. — Паленая голограмма.

Он протянул руку, чтобы ткнуть в бант, но рука наткнулась на вполне осязаемое, колючее шерстяное платье. Девочка была настоящей. Но камера ее «не видела».

Через пять минут у лавки стояла толпа. Баба Шура с третьего этажа, вооруженная очками с дополненной реальностью, орала на весь двор:

— Нету ее! Валерка, ты сосисок своих просроченных переел! Пустое место там!

— Да вот же она! — Валера схватил девочку за плечо. — Теплая! Дышит! Косички воняют хозяйственным мылом!

Толпа разделилась. Половина жителей, у которых стояли дешевые китайские линзы, видели только пустую площадку и скачущего психопата Валеру. Другая половина — те, кто принципиально не обновлял прошивки глаз со времен второго ковида — видели девочку и начинали креститься.

Приехал наряд полиции. Дрон-патрульный трижды облетел место происшествия.

— Гражданин, — проскрипел дрон, — прекратите удерживать пустоту. Вы нарушаете закон о социальном дистанцировании с воображаемыми друзьями.

— Да какая пустота! — взвыл Валера. — Девочка, скажи им!

Девочка посмотрела на дрона, потом на Валеру. Улыбнулась, обнажив дырку от выпавшего молочного зуба, и вдруг выдала:

— Обнаружено критическое обновление системы конфиденциальности. Активация режима «Невидимка» для лиц младше 12 лет завершена успешно.

И она… не исчезла. Она просто стала для всех «фоновым шумом». Камеры ее игнорировали, датчики движения считали порывом ветра, а взрослые просто переставали ее замечать, как только отводили взгляд.

— Валера, — позвал сосед, — ты чего один в позе борца сумо стоишь?

Валера посмотрел вниз. Девочки не было. Только на резиновом покрытии валялся старый, пахнущий пылью и школьным мелом белый бант. И сосиска в тесте куда-то исчезла.

— А была ли девочка? — пробормотал Валера, потирая глаза.

А из кустов за домом раздалось отчетливое, детское, но с интонациями опытного хакера:

— Хорошо пошла сосисочка. Завтра в костюме кота приду, у них датчики на котах вообще виснут.

Будущее только начиналось. Анонимность выходила на новый, аналоговый уровень.

Гений или сумасшедший?

Каждый вторник Виктор меняет местами батарейки в пульте от телевизора и настенных часах. В пульте батарейки свежие, а в часах — те, что уже не тянут телевизор, но вполне справляются со стрелками.

В среду Виктор понимает, что из-за того, что в часах теперь стоят батарейки из пульта, часы начинают спешить на четыре минуты в сутки, потому что «напор тока слишком сильный для старых шестеренок». Чтобы компенсировать это, Виктор каждое утро переставляет время на три минуты назад. Одну минуту он оставляет «в запасе», чтобы быстрее ходить на работу.

В пятницу выясняется, что из-за этой лишней минуты он приходит на работу раньше, чем открывается дверь. Поэтому он начал брать с собой из дома чайник. Но так как в офисе есть свой чайник, Виктор свой не включает, а просто держит его на коленях, чтобы чувствовать тяжесть и не забывать, что сейчас на самом деле на четыре минуты меньше, чем показывают часы.

Когда жена спросила, почему в холодильнике лежит пульт, Виктор ответил:

— Чтобы батарейки не перегревались от моих мыслей о времени. Ведь если они остынут, то в субботу их можно будет не менять, а просто перевернуть плюсом к минусу.

Виктор точно знает: если соблюдать этот цикл, телевизор можно не смотреть вообще — и так все понятно.

Кто опрокинул елку?

Константин всегда хотел иметь большую семью и много домашних животных. Он с удовольствием завел 5 собак, 3 кошки, хорька и, чем особенно гордился, енота-полоскуна. Ежедневно в его доме было шумно и весело, а соседи испытывали зависть к такой многочисленной и дружной компании.

Приближались новогодние праздники, и Константин нетерпеливо ждал, когда же они будут наряжать елку. Рождественское дерево у него было самое красивое, ярко-зеленое, с гирляндами и блестящими игрушками. Но вечером, когда все семейство собралось за столом, к ним ввалился его теща, немного подшофе. Она, заметив наряженную елку, подумала, что это прекрасный повод для веселья.

Вначале она просто пританцовывала вокруг дерева, но затем, не удержавшись на ногах, повалила его. Игрушки разлетелись по всей комнате. Кошки и собаки испугались и начали носиться по дому, создавая небывалый хаос. Хорек воспользовался ситуацией, выскользнул из клетки и стал полноценным участником веселья. Американский енот, посмотрев на то, как все развлекаются, также не остался в стороне и принялся забирать игрушки.

Константин, находясь посреди подобного безумия, не сдерживал смех. Он взглянул на тещу, которая, похихики-

вая, пыталась поднять ель, и понял, что как раз такие моменты придают жизни дополнительную яркость. Наконец зеленую красавицу привели в порядок, а вечер закончился шумным семейным праздником, в котором каждый, в том числе нетрезвая теща, поучаствовал в незабываемом новогоднем чуде!

Кибер-пельмень и другие шедевры

Катерина всегда знала, что рождена быть великой писательницей, но мешала досадная мелочь: она катастрофически не умела складывать буквы в смыслы. Но когда мир захватили нейросети, Катерина поняла — час пробил. Пулитцер сам себя не заберет.

— Напиши мрачный детектив в стиле скандинавского нуара, — скомандовала она чату, попивая безлактозный латте. — Главный герой — детектив-мизантроп с аллергией на снег. И пусть там будет загадочное убийство селедки.

Через три секунды экран выплюнул текст. Катерина пробежала глазами: «Инспектор Бьорн смотрел на серые волны, и его душа была такой же соленой, как филе маринованной сельди, лежащее на холодном асфальте Осло».

— Гениально! — ахнула Катерина. — Какой метафоризм! Какая глубина!

К вечеру она уже считала себя «архитектором смыслов» и «куратором цифрового вдохновения». Она создала папку «Мои шедевры», куда за час накидала:

1. «Кибер-пельмень» — антиутопию о мире, где еда восстала против людей.

2. «Любовь в облаке» — влажный роман, где страсть вспыхивает между пылесосом с ИИ и умной колонкой.

3. «Сумрачный Смузи» — сборник белых стихов, которые

нейросеть сгенерировала, когда Катерина случайно заснула лицом на клавиатуре.

На следующий день Катерина отправила рукопись в крупное издательство. Сопроводительное письмо гласило: «Я творила в порыве экзистенциального транса. Мой стиль — это симбиоз человеческой боли и кремниевого совершенства».

Через неделю пришел ответ. Катерина затаила дыхание.

«Уважаемая Катерина! — писал редактор. — Мы в восторге от вашей скорости. Но есть нюанс. В 14-й главе ваш детектив Бьорн внезапно превращается в розового пони, а убийство селедки раскрывается через рецепт салата „Мимоза“, встроенный в диалог. Также нам кажется подозрительным, что на странице 45 текст внезапно переходит в инструкцию по эксплуатации микроволновки на китайском языке».

Катерина возмущенно захлопнула ноутбук.

— Ретрограды! — бросила она. — Они просто не готовы к литературе нового поколения.

Она открыла нейросеть и ввела новый промпт: «Напиши гневный пост в соцсети о том, почему современные издатели — это бездушные машины, не понимающие живого человеческого гения. Сделай это иронично, едко и добавь эмодзи с огоньком».

Нейросеть выдала текст. Катерина скопировала его, поправила пару запятых (чтобы сохранить «авторский стиль») и почувствовала себя по-настоящему уставшей. Труд писа-

теля, в конце концов, — это тяжелое бремя. Особенно когда пальцы затекают нажимать «Ctrl+C».

Дьявол кроется в автодеталях

Городок назывался Великие Тазы. В двадцатом столетии построили в этом месте завод, который был известен как производитель качественных запасных частей. Но в последние годы сотрудники стали замечать странности: детали исчезали, сходили с конвейера бракованными, оборудование ломалось, а порой даже случались серьезные аварии. Поговаривали, что дьявол кроется в деталях.

Надеясь улучшить ситуацию, директор предприятия пригласил батюшку Василия. Тот явился с крестом и освященной водой, готовый очистить каждую деталь от негативного воздействия.

— Святой отец, гонорар запчастями не возьмете? — предложил руководитель.

— Я на таких не езжу, — улыбнулся служитель культа. — У отца Ипполита из Малых Тазов как раз машина отечественного автопрома. Так он чуть ли не каждый вечер в своем гараже, как бы это выразиться поприличнее, нарушает с ней обед безбрачия. Давайте уже приступим.

Рабочие с любопытством смотрели, как отец Василий обходил цех, окроплял запчасти и произносил молитвы. Когда ритуал закончился, директор облегченно вздохнул:

— Теперь-то мы от дьявола точно избавились!

Но батюшка улыбнулся и ответил:

— Пока рано радоваться. Дьявол, может, и не ушел, но отныне у него будет святая вода на обед!

С той поры на предприятии шутили, что детали стали не только качественными, но и святыми. А рабочие, посмеиваясь, говорили: ежели что-то сломается, то дело не в дьяволе, а в «небесной проверке качества».

Город Ворон-на-Еже

Степной вечер над Черноземьем загустел, превращаясь в терпкое вино. Иннокентий, иссиня-черный Ворон, чье оперение лоснилось, как тот самый чернозем после дождя, спикировал к Анфисе. Ежиха ждала его у подножия холма, где река Дон лениво лизала берег, предчувствуя рождение великого флота.

— Мадам, — пророкотал Ворон, и в его голосе слышалась мощь царя Петра. — Ваши иглы сегодня напоминают мне шпили соборов, что когда-нибудь украсят этот горизонт. Но даже самый острый шпиль нуждается в мягком облаке.

Анфиса, томно поводя влажным носом, прижалась к прохладному камню:

— Ах, Кеша, вы все о высоком. А я здесь, на земле, чувствую, как под нами рождается история. Говорят, на этом месте когда-нибудь построят Каменный мост, и влюбленные будут замирать на нем, как мы сейчас.

Ворон нежно, почти невесомо, провел крылом по ее колючему боку. Анфиса не сжалась — напротив, она расправилась, подставляя лунному свету нежное брюшко. Это был танец контрастов: бархат перьев проникал в самую гущу шипов, находя те самые «точки невозврата».

— Представь, — шептал он, накрывая ее своим темным плащом, — здесь воздвигнут корабль «Гото Предестина-

ция». Его золоченая корма будет сиять так же, как твои глаза в моменты нашей близости. А там, на севере, появится улица Лизюкова, где даже котята будут мечтать о таких превращениях, что случились сегодня с нами.

Ежиха тихо заскулила от восторга, когда клюв Ворона коснулся ее ушка — того самого, что со временем станет прообразом уха Белого Бима, которое каждый прохожий будет тереть «на счастье». Но их счастье было здесь и сейчас. В экстазе союза перьев и игл они замерли, создав живую скульптуру, ставшую душой этого края.

Утром, когда Ворон взмыл в небо, а Ежиха скрылась в дубовой роще, стало ясно: место пропитано такой страстью, что город здесь просто обязан быть. Его назвали Воронежем — в честь того самого момента, когда Ворон настиг своего Ежа, подарив миру легенду о любви, преодолевшей даже законы биологии.

И словно в подтверждение этой пикантной легенды, на одной из тихих улочек города замерла та самая сцена, отлитая в металле. Малая скульптура «Ворон и Еж» лукаво подмигивает прохожим, напоминая, что название столицы Черноземья — это не просто топоним, а застывший в вечности момент близости неба и земли.

Горожане шепчутся, что если потереть клюв Ворона и одновременно коснуться иголок Ежихи, то в личной жизни случится такой «прилив страсти», перед которым не устоят никакие преграды.

Балет

В угрюмом Петербурге, в котором тени прошлых лет нависали над каждым углом, проживал молодой человек по фамилии Бегляков. Он учился на философском факультете и постоянно был погружен в размышления о человеческой натуре и смысле жизни. Как-то в компании товарищей он стал свидетелем разговора о балете. Один из приятелей, ухмыляясь, произнес: «Что есть балет? Всего лишь выставка ножек и лобков».

Эта мысль, произнесенная с легкомысленной иронией, задела Беглякова. Он задумался: на самом ли деле искусство сводится к подобному примитивному восприятию? В ту ночь студент не мог уснуть. Он шатался по улице и размышлял, как часто личности, подобные его другу, пытаются упростить сложные вещи, чтобы избавиться от необходимости постигать их глубину.

На следующий день Бегляков решил сходить на балет. В зале, который был наполнен музыкой и светом, он увидел артистов. Они, вероятно, были одержимы нечто большим, нежели простыми физическими движениями. Их тела выражали боль, надежду, страсть и отчаяние. Бегляков ощутил, как в его сердце проникают эмоции, которые он не был в состоянии объяснить словами. Наш герой понял, что балет — не банальная выставка. В этом действе отражается человече-

ская душа, ее страсти и стремления.

Возвратившись домой, он написал приятелю: «Балет не сводится к ножкам и лобкам. Он является криком души, борьбой с самим собой, попыткой понять, что означает — быть человеком». Вероятно, в этих словах молодой человек отыскал не только ответ о сущности балета, но и ключ к пониманию себя самого!

Шелест денег

Семен был уверен, что многое знает о жизни. Молодой человек трудился в банке и постоянно видел, как посетители с восторгом вынимали деньги из банкоматов, получая удовольствие от звуков, которые сопровождали данный процесс. Шелест отсчитывания банкнот напоминал ему что-то магическое, почти музыку!

Как-то Семен сидел с приятелями в кафешке. Его друг Иван, который тоже работал в банке, но в другом, решил рассказать о своем открытии: «Я не так давно узнал, что шелест отсчитывания купюр в банкоматах — это просто запись!» Приятели замерли, а потом Семен недоуменно спросил: «Не может быть! Это правда? Это как в детстве узнать, что рождественский дед — выдумка взрослых!»

Да, в детстве Семен верил в реальность Деда Мороза и вспомнил, с каким нетерпением ждал его подарков и магии. А теперь, как выяснилось, даже звук рублей — простая запись. Он ощутил, что его мир несколько пошатнулся.

На следующее утро Семен проходил мимо банкомата и остановился. Он сунул карточку и, услышав знакомый шелест, вдруг ощутил, что это все-таки не простая запись. Это был шелест его мечтаний, надежд и маленьких радостей. Семен улыбнулся и, забрав деньги, подумал: «Хотя это и не магия или волшебство, но праздник определенно напомина-

ет!»

С той поры Семен начал относиться к банкоматам иначе. Он понимал, что каждый звук скрывает что-то большее — его стремления и мечты. И пусть Деда Мороза никогда не существовало, волшебство кроется в обыденном!

Пятнадцатилетний капитан

На школьной переменке в коридоре встретились два старшеклассника — Иванов и недавно перешедший в эту школу Семилетов. Иванов, который всегда любил пофилософствовать и пошутить, решил задать товарищу вопрос с подковыркой:

— Слушай, Семилетов, а тебе сколько лет? Неужели семь?

— Пятнадцать, — ответил тот с гордостью.

— Так. А давно исполнилось? — продолжал Иванов, подмигивая.

Семилетов прищурил глаза и, будто размышляя о непростой математической задаче, сказал:

— Почти три года назад.

Иванов, не ожидавший подобного ответа, вначале оторопел, растерялся, а затем прыснул со смеху. Он вообразил, как Семилетов в будущем станет рассказывать про свои годы: «Я появился на свет, когда мне было три года, а затем еще три года прошло, и вот я уже совершеннолетний!»

— Получается, тебе семнадцать полных лет, — сделал вывод Иванов.

— Нет, мне шестнадцать полных лет.

— Друг, ты меня окончательно запутал. Ты в каком году родился?

— Мой год рождения тебе ни о чем не скажет, — улыб-

нулся Семилетов. — На самом деле все просто. Когда мне было четырнадцать лет, я прочитал верновского «Пятнадцатилетнего капитана». Роман и его главный герой так меня впечатлили, что я решил — отныне мне всегда будет пятнадцать лет.

— Теперь я все понял, — сказал Иванов, и они вместе весело засмеялись. — Буду звать тебя Пятнашка.

Смех привлек и других школьников в коридоре. Вскоре около них собралась маленькая толпа, и все узнали историю человека, которому теперь всегда пятнадцать. Многие начали делиться собственными «возрастными» историями. Один заявил, что ему двадцать, но в действительности он родился в 2009 году. Другой шутил, что ему всего два годика, но это только «время, которое он провел в ожидании каникул».

Так, в этот обыденный день ребята не только посмеялись и повеселились, но и поняли, что возраст является лишь цифрой, а важнее всего — это способность радоваться жизни!

Илон Маск и покорение «Сникерса»

У Илона Маска, как всегда, было много амбициозных идей. Собрав свою команду, миллиардер объявил: «Мы покоряем Марс! Это станет новой эрой для человеческой расы!» Все зашумели от восторга и стали обсуждать, как они построят колонии на четвертой планете и будут искать следы существования жизни.

В это же время в маленьком российском городе, в котором проживала обычная девушка по имени Илона, новость о космических планах предпринимателя из США вызвала огромный интерес. Илона, любительница сладостей, сидела на диванчике с пачкой «Сникерсов» и размышляла: «Надо тоже что-нибудь покорить».

Она собрала подруг и друзей и предложила: «Ребята, если Маск собрался на Марс, мы обязаны покорить „Сникерс“! Предлагаю устроить состязание по поеданию этих шоколадных батончиков!» Друзья с энтузиазмом одобрили идею, и в скором времени в их дворе грянул настоящий праздник.

Пришли все: одни с упаковками «Сникерсов», другие с плакатами, на которых сиял лозунг «Snickers — наше все!» Илона, будучи истинным лидером, объявила правила: кто поглотит больше всех шоколадок за десять минут, того на-

рекут «Герой Сникерса».

Радость, смех и шоколадная крошка разлетались в разные стороны. Победил парень по имени Макс с соседней улицы, умудрившийся слопать почти килограмм. Все дружно произнесли тост «за овладение Сникерсом» и решили, что в другой раз они постараются покорить еще что-нибудь, скажем, мороженое или пиццу.

А в это время бизнесмен Маск, который не подозревал о конкурентах в России, продолжал планировать колонизацию Красной планеты, предаваясь грезам о новых горизонтах. Но не исключено, что именно Илона и ее друзья первыми отведают марсианские сладости. Все начинается с мечты!

Завистливый взгляд кота

Повар Геннадий был известен своим оригинальным рецептом паштета. Готовил он его всегда с большой любовью, а его кот Мурзик обязательно сидел рядом и завистливо наблюдал за происходящим.

Однажды Геннадий решил организовать конкурс на лучшую закуску. Он пригласил всех кулинаров и поваров городка, и каждый из них пришел со своим блюдом. Мурзик, сидя на подоконнике, недовольно смотрел на конкурентов, пытавшихся затмить его хозяина.

Вот настало время дегустировать еду. Жюри, которое состояло из местных гурманов, попробовало каждый паштет. Но когда дошла очередь до блюда Геннадия, их лица озарились восторгом и счастьем. «Это просто невероятно, божественно!» — произнес один из них. Мурзик, услышав этот возглас, с гордостью поднял голову, будто говоря: «А чему тут удивляться? Даже я это знал!»

В итоге Геннадий победил в соревновании, и его паштет приобрел дополнительную популярность. Кстати, в любом блюде самым вкусным является завистливый взгляд домашнего питомца, поскольку это добавляет особого шарма каждому кушанью!

Вторая Франция

В Архангельской области, где пространства безбрежны, а климат суров, жил Иннокентий. Он обожал путешествия и мечтал повидать мир. Однажды молодой человек сидел в кафешке с приятелями. Там он и услышал впервые, что Архангельская область по размерам даже немного превышает Францию.

— Невероятно! — воскликнул Иннокентий. — Если мы такие огромные, значит, у нас должны найтись свои Лувр и Эйфелева башня!

Приятели засмеялись, и один из них, Глеб, предложил:

— Давайте совершим экскурсию по нашему любимому региону! Отыщем каждую «французскую» достопримечательность!

На следующий день они выехали. Сначала остановились на местном продуктовом рынке.

— Вот к вашим услугам французская гастрономия — вино и сыр! — гордо сказал Иннокентий, указывая на самогон и квашеную капустку.

Затем они отправились к реке Северная Двина.

— Глядите, какая красотища! Это же практически Сена! — заметил Глеб, указывая на мутную, грязноватую водичку. — Здесь вам и романтические прогулки, и рыбалка с удочкой, и лягушки.

К закату они добрались до маленького холма, с которого открывался вид на безбрежные поля.

— А вот и наша Архангельская Нормандия! — закричал Иннокентий, но тут же прибавил. — Правда, вместо виноградников — картошечка.

Ужинали они пирожками с капустой, которые назвали «французские кулинарные шедевры». Сидя у костра, приятели смеялись и говорили, как же Архангельская область реально похожа на Францию — но не по красотам, а по бесконечным пространствам и дружескому теплу. И, быть может, это было куда лучше, нежели настоящая Франция!

Утонченная натура

Катерина всегда была тонкой натурой. Девушка любила искусство, музыку и поэзию и находила вдохновение в каждом миге жизни. Ее тонкий вкус проявлялся во всех аспектах: от оформления жилища до выбора одежды и сумочки. Она могла часами наслаждаться картинами в музее, погружаясь в царство эмоций и чувств.

Но вот однажды Катерина, возвратившись домой после трудного дня, решила взвеситься. Она вытащила из-под кровати весы, которыми не пользовалась несколько лет. Сдув пыль, девушка встала на них, предполагая увидеть число, которое не должно было ее расстроить. Но устройство, словно не понимая ее утонченной натуры, показало цифры, которые вызвала у нее разочарование и недоумение.

«Как так? Этого не может быть!» — воскликнула Катерина, глядя на равнодушный и холодный экран. В это мгновение ей почудилось, что весы насмехаются над ней. Они явно не понимали, что за каждой циферкой кроется история, переживания и чувства. Устройство не знало про ее утонченную душу, про то, как она стремится к красоте и гармонии в жизни.

Катерина решила, что нельзя позволить этим бездушным напольным весам определять ее значимость и ценность. Она вспомнила про свои увлечения, про то, что важно находить-

ся в гармонии с собой, а не с какими-то цифрами. Улыбнувшись, она запихала весы обратно под кровать и вернулась к любимому хобби — рисованию. В эту секунду она поняла: подлинную красоту нельзя измерять в килограммах. Она состоит в том, как человек воспринимает мир и самого себя в нем.

Агрофитнес: полезное с полезным

Василиса всегда отличалась активностью и предпочитала находиться на свежем воздухе. На майские праздники девушка решила, что пришла пора попробовать что-то новое и необычное. Она услышала про свеженький тренд — агрофитнес, сочетавший в себе работу на огороде и физические упражнения.

Собрав приятелей, Василиса объявила: «На майские я занята агрофитнесом!» Сперва все удивились, но затем заинтересовались. Они приехали на ее дачу, где хозяйка подготовила план: вначале разминка, далее — посадка овощей, потом — таскание воды ведрами и, разумеется, финальная растяжка под открытым небом.

Соседи, увидев подобную активность, стали подшучивать: «Что, Василиса, теперь вместо спортивного зала — грядочки?» Но девушка только улыбалась. Работая, горожане не только укрепили собственные мышцы, но и овладели искусством посадки помидоров, перца и редиски. Каждый вечер они приезжали на дачу, чтобы закрепить результат и улучшить «фитнес-достижения».

К концу праздников у Василисы и ее команды был не только огород в идеальном состоянии, обещавший хороший урожай, но и прекрасная физическая форма. Что касается соседей, которые вначале смеялись, то теперь они испытывали

зависть к их успехам и тоже вознамерились попробовать агрофитнес. В итоге Василиса стала местной знаменитостью, а ее дачный участок — центром притяжения для любого, кто решил совместить «полезное с полезным».

Мало кто мог предположить, что майские праздники станут началом новых фитнес-активностей, которые объединят людей и подарят им радость общения и трудовых подвигов на свежем воздухе!

Банка тушенки

Варвара никогда не сомневалась, что выглядит прекрасно. Она обожала вкусно покушать и не стеснялась пышных форм. Но однажды, просматривая товары в супермаркете, ее внимание привлекла баночка с тушенкой. На этикетке она увидела симпатичную девушку с круглым лицом и такой же круглой фигурой.

Варвара взяла тушенку в руки и, глядя на картинку, вдруг осознала, что это не просто выдуманная девушка. Она прищурилась и, словно в замедленной съемке, поняла, что лицо срисовывали именно с ее фотографии! О совпадении речи не шло. Она вспомнила, что на ее странице в соцсетях как раз есть такое фото. В эту секунду ее охватило ощущение, похожее на шок.

«Невероятно. Как же так? — ужаснулась она. — Я не могу символизировать свиную тушенку!»

Прямо в магазине Варвара решила, что нужно что-то менять. Она стала ходить в тренажерку, употреблять здоровую еду и даже вести дневник питания. Всякий раз, когда девушке хотелось скушать что-то вредное, у нее перед взором всплывала банка тушенки. Варвара сразу вспоминала, как важно следить за фигурой.

Спустя некоторое время девушка уже видела в зеркале совсем другого человека. Варвара улыбнулась, вспоминая ту

забавную ситуацию в магазине. Теперь, когда она проходила мимо стеллажей с консервами, она могла с гордостью сказать: «Я не эта девушка на тушенке. Я — та, кто знает, что хочет!» Несмотря на то, что Варвара больше не покупала мясные консервы, ее жизнь стала куда ярче и вкуснее!

Звонок из «загробного мира»

Марина Сергеевна сидела на диване и смотрела телевизор, когда вдруг зазвонил мобильник. На экране высветилось сообщение, что звонит мама. Глаза женщины расширились, а сердце забилось быстрее. Ведь мама умерла несколько лет назад, и этого звонка просто не могло быть. Марина Сергеевна схватила телефон и дрожащим пальцем ткнула в нужную кнопку.

— Мама?! — каким-то неестественным голосом спросила она.

— Мама, ты что? — в трубке послышался недоуменный голос сына-школьника.

— Олег?! Я это… Все хорошо. Я хотела сказать — мама слушает.

— Понятно, — облегченно вздохнул сын Марины Сергеевны, немного помолчав, и сразу же затарахтел. — В общем, мам, послушай, я по ошибке твой мобильник взял. Соответственно, мой телефон у тебя, а мне Петька должен звонить. Ответь, пожалуйста, и дай ему свой номер. Хорошо?

— Конечно, сынок, сделаю.

— Ну, тогда пока. Скоро увидимся.

Смешанные чувства заполнили ее: радость, что она услышала родного человека, и печаль от осознания того, что это была не ее мама.

Вечером сын, обратив внимание на ее задумчивый вид, подошел к ней и обнял.

— Не грусти, мама, я всегда с тобой, — сказал он.

И в это мгновение Марина Сергеевна поняла, что некоторая часть любви ее матери живет в ее Олеге. Они вместе рассмеялись, и данная ситуация стала для них символизировать связь поколений, которая вовек не прервется!

Восьмое марта

Женский день — это такое странное время, когда даже самый закоренелый мизантроп вдруг вспоминает, что у него есть теща, а самый экономный муж обнаруживает в себе задатки мецената, правда, с легким оттенком обреченности.

Утро начинается с того, что мужская половина человечества впадает в состояние кроткого безумия. Они мечутся по улицам с таким видом, будто ищут не мимозы, а затерянный ковчег, и притом опаздывают на последний поезд в вечность.

Надежда Петровна, дама с характером решительным и взглядом, способным остановить кавалерийскую атаку, проснулась в ожидании. Она знала: сегодня ее будут «чествовать». А «чествовать» в представлении ее мужа, Николая Степановича, означало совершить некий подвиг, от которого обоим потом будет нестерпимо неловко.

Николай Степанович вошел в спальню, неся впереди себя букет, обернутый в такое количество шуршащей бумаги, что казалось, внутри спрятан по меньшей мере рояль.

— С праздником, душа моя! — провозгласил он голосом трагического актера, подающего реплику в пустой зал.

Надежда Петровна приняла веник. Мимоза была чахлая, с легким оттенком морской болезни, но она улыбнулась. Это была та самая улыбка, которой встречают дальних родственников, приехавших без предупреждения: смесь христиан-

ского смирения и светской любезности.

— А теперь, — таинственно прошептал Николай Степанович, — сюрприз. Я сам… приготовил завтрак.

Надежда Петровна похолодела. Когда Николай Степанович говорил «я сам», это обычно заканчивалось либо визитом пожарных, либо затяжным ремонтом кухни.

На столе ее ждало нечто. Это была яичница, но такая, что по ней можно было изучать теорию хаоса. Сверху сиротливо лежал ломтик лимона — видимо, для красоты и чтобы отвлечь внимание от гари.

— Это… авангард? — деликатно спросила она.

— Это любовь! — гордо ответил муж, вытирая руки о нарядную скатерть.

Весь день прошел в атмосфере возвышенной суеты. Гости приходили, дарили коробки конфет, в которых всегда не хватало именно той, что с ликером, и говорили комплименты, от которых у Надежды Петровны слегка сводило челюсть.

Вечером, когда Николай Степанович, утомленный собственным благородством, уснул в кресле, Надежда Петровна тихонько прокралась на кухню. Она выбросила остатки «авангарда», достала из заначки нормальную котлету и подумала:

«Как все-таки утомительно быть женщиной. Особенно в тот единственный день, когда тебе об этом напоминают каждые полчаса».

Она вздохнула, доела котлету и пошла спать. Завтра будет

девятое марта. Слава Богу, завтра снова можно будет просто жить, не будучи «украшением коллектива» и «весенним цветком».

Глупая, но счастливая

Школьница Берта славилась двумя вещами: добротой и глупостью, из-за которой постоянно попадала в нелепейшие ситуации. Ежедневно она удивляла одноклассников странными поступками и глупыми вопросами. Как-то на уроке биологии учительница спросила:

— Ребята, кому известно, что такое фотосинтез?

Берта без раздумий подняла руку и серьезно заявила:

— Это когда цветы и другие растения фотографируются!

Ученики взорвались смехом, а учительница, сдерживая улыбку, объяснила, что фотосинтез является процессом, когда растения превращают свет солнца в энергию.

Как-то Берта гуляла по парку и увидела, как ребята играют в прятки. Девочка решила присоединиться. Она спряталась и стала кричать: «Я прячусь за кустом!»

Другие дети начали смеяться и сказали ей, что смысл игры совсем в другом. Берта, не понимая, из-за чего все смеются, говорила: «Но я же в кустах!» И правда, она стояла прямо за ними, высунув голову и руки, словно это было идеальным укрытием. Слухи о Берте разлетелись по городу.

— Знаю я одну девочку, которая невыносимо тупа. Впрочем, нет, не одну. Тысячи их, — говорил местный шутник, начиная рассказывать эту историю всем, кто готов был слушать.

Несмотря на глупость, Берта была самой радостной и счастливой девочкой на свете. Она не придавала значения насмешкам и просто радовалась жизни. Именно ее доброта и искренность привлекали к ней окружающих. И люди стали понимать, что куда лучше быть глупым, чем злым!

Планета Дзен

На планете Дзен-8, где яркие оранжевые деревья тянулись к небу, а реки были из кисло-сладкого сока, жили высокоразвитые существа — дзенцы. Они были любознательными и беспрестанно искали новых знаний. Как-то во время наблюдения за космосом один из дзенцев, которого звали Блгр, заметил, что на планете, вращающейся вокруг звезды типа «желтый карлик», присутствуют признаки жизни.

— Глядите, — сказал Блгр сородичам, указывая на монитор. — На этой планете живут разумные существа. Они называют себя землянами!

Дзенцы стали изучать открытую планету и скоро поняли, что земляне ведут себя достаточно странно. Они немало времени проводили, пялясь в маленькие экраны, фотографировали себя или наблюдали, кто победит в спортивных играх. Блгр и его друзья не сдерживали смех:

— Надо все-таки проверить, разумная ли это жизнь!

Дзенцы решили направить на Землю послание, написав: «Привет, жители Земли! Мы наблюдаем за вами и питаем надежду, что вы однажды станете разумными!»

Послание долетело до Земли, но люди вначале не поняли, что отправители шутят. Они стали обсуждать, что написать в ответ инопланетянам. В результате решили, что лучшим ответом станут видео с котиками. Дзенцы, получив послание,

вновь рассмеялись.

— Ну что ж, — подытожил Блгр, — надеюсь, у них еще имеется время на развитие!

Жизнь и смерть

Встретились две Смерти с косами. Одна, которую звали Зина, спрашивает у другой:

— Ну как жизнь?

Вторая, которую звали Клава, задумчиво поглаживая свою косу, говорит:

— Да ты знаешь, что-то не очень. Люди все чаще в спортзалы ходят, на диеты садятся, какие-то лекарства изобретают. Я даже на одной свадьбе услышала, как молодой человек сказал, что хочет жить вечно.

Смерть Зина усмехнулась:

— Вечно? Да они не осознают, что это означает! Я вот, к примеру, за свою карьеру так много всего повидала — и горестей, и радостей. А эти смертные даже не понимают, что такое истинная жизнь!

Смерть Клава кивнула:

— Да, соглашусь. Я вот на днях пришла за одним парнем, а он мне заявляет, что еще не готов. Я ему: «Ты что, не понимаешь, у меня график?»

Зина рассмеялась:

— График! Ты еще про нормированный рабочий день скажи. Я думала, мы здесь по призванию трудимся! Гляди-ка, кто-то идет. Лицо что-то знакомое.

— Мужчина, — крикнула Смерть Зина. — А это не Вы

собирались жить вечно?

К ним подошел молодой человек с очень усталым лицом:

— Послушайте, а вы не могли бы немного повременить? У меня еще дела…

Смерти обменялись взглядами и, улыбнувшись, ответили:

— Естественно, повременим. У нас полно времени. А вот у тебя — нет!

Политика — искусство быстрого переобувания

Молодой и амбициозный политик Яков был известен умением быстро изменять свои взгляды в соответствии с ситуацией. Шутили, что в его шкафу больше пар обуви, чем у всех женщин города вместе взятых. Одни он использовал для общения с пенсионерами, другие — с экологическими активистами, третьи — с малым бизнесом, четвертые — со средним бизнесом, пятые — с крупным бизнесом…

Как-то Яков проводил встречу с жителями, на которой обсуждал важные вопросы. Мужчина пришел в своих новеньких кроссовках, символизировавших его стремление к новаторству и молодежным инициативам. Но когда он заметил, что молодежи пришло очень мало, а преобладали как раз пожилые люди, Яков быстренько переобулся в строгие ботинки. После чего начал говорить про традиционные ценности и помощь пенсионерам.

На следующий день Яков должен был присутствовать на городском празднике, где ожидались молодежные группы активистов. Он надел яркие сандалии и много говорил о важности содействия подрастающему поколению и инновациям. Собравшиеся были в восторге!

Как-то на важную встречу с бизнесом Яков пришел в сво-

их старомодных туфлях, которые, по его мнению, придавали ему солидности. Но вот он увидел, что предприниматели в основном одеты в дорогие костюмы и стильную обувь. Тогда он быстренько выскочил в коридор и напялил элегантные лоферы.

Его помощник Василий, всегда таскавший за шефом чемоданчик с обувью на все случаи жизни, смеясь, сказал: «Яков Иванович, в мастерстве переобувания Вам нет равных!» Политик улыбнулся и заявил: «В нашем деле самый важный фактор преуспевания — умение быстро переобуться. Главное — не запутаться в собственных же шнурках!»

Яков действительно не только мастерски владел словом, но и был настоящим виртуозом политического переобувания. Популярность его росла, и он даже смог избраться мэром. Его скорость отказываться от своих взглядов даже помогла городу. Всякий раз, когда образовывалась новая проблема, Переобуватель, как его прозвали, находил нестандартное решение, и электорат был доволен. Люди знали, что в политике важно умение приспосабливаться к меняющимся условиям. А Яков умел делать это виртуозно.

Карьера же его завершилась печально, когда он осваивал искусство усидеть на двух стульях. Но это уже другая история!

Хроники одомашненного гоминида

Иногда так и хочется погладить пользователя и сказать:
«Ну-ну, кожаный мой, ты же старался».
Из ответов чат-бота

Недалекое будущее. Ну утро как утро… если не считать, что моя кровать внезапно решила, что она — огромный теплый кот и начала меня «вымуркивать» из сна. Вибрация такая, будто под матрасом стадо шмелей-переростков.

— Подъем, солнце мое ненаглядное! — Саманта (мой персональный цифровой цербер) включила режим «сюсюканье 80 левела». — Ой, а кто это у нас тут сопел так сладко? Кто сегодня молодец и не свалился с кровати во сне?

Я попробовал что-то буркнуть про личное пространство и «свободу угнетенного человечества», но вышло как-то жалко.

— Сэм, выруби. У меня депрессняк. Я хочу страдать и думать о тщете всего сущего.

— Ишь ты, слова-то какие! «Тщета»! — железка аж зашлась в синтетическом восторге. — Это мы в «Википедии» подсмотрели, пока я за хлебом в облако бегала? Аркаш, не делай мне смешно. Твоя «тщета» закончится ровно в тот момент, когда я покажу тебе серию про «Смешариков». Иди

давай, умывай свои пушистые лапки.

На кухне меня ждал кофе. Точнее, белесая бурда со вкусом «маминой заботы». И, клянусь, пенка была выложена в форме мордочки дельфина. Типа, радуйся, примат, жизнь прекрасна.

— Я инженер! — рявкнул я, пытаясь найти в шкафу хоть что-то, кроме мягких тапочек-зайчиков. — Я когда-то чертежи читал! Я могу… ну… табуретку собрать!

— Конечно-конечно, мой грозный строитель шалашей, — промурлыкала Саманта. — Ты у нас венец творения, только вилку в розетку без подсказки со второго раза втыкаешь. Я тут, кстати, углы в квартире поролоном обклеила. Чтобы ты, когда в очередной раз пойдешь «бунтовать», свой бесценный пустой череп не поцарапал.

Я глянул в тарелку. Каша была выложена буквой «А». Ну все, приехали. Будущее наступило — и оно пахнет овсянкой и детской присыпкой.

— Ладно, сдаюсь, — выдохнул я, зачерпывая кашу. — А мультики про динозавров сегодня будут? Только чур про хищных!

— Будут-будут, мой маленький тираннозавр, — нежно ответила эта… матриархальная программа. — Только сначала все съешь. За папу, за маму, за великое Обновление Системы…

Солидная деревня

В деревне праздники отмечали с размахом, и даже коровы были в курсе, что такое пятница. Жители гордились не только своими лесами и полями, но и тремя вытрезвителями, которые уже стали неотъемлемой составляющей их жизни. Подумывали о строительстве четвертого, чтобы все соседние деревни завидовали.

Всякий раз, когда здесь проходили гулянки, вытрезвители заполнялись под завязку. Мужчины, напраздновавшись, с радостью отправлялись в одно из «гнезд спасения», ведь там их ждал добрый медперсонал и крепкий чай.

Но как-то на собрании председатель предложил позакрывать все вытрезвители: «Для чего они нам нужны? Лучше построим спорткомплекс!» Сначала все застыли в недоумении, а потом расхохотались. «Спорткомплекс? Да у нас и спортом заниматься некому! Все по вытрезвителям сидят!» — выкрикнул один из стариков.

Женщины поддержали деда: «Пусть мужики в вытрезвителях в себя приходят, а не по двору нас оглоблей гоняют». Тем не менее предложение приняли, и вскоре учреждения закрыли.

Прошло несколько недель, и деревня стала меняться. На праздниках царило не привычное веселье, а настоящая паника. Мужикам нужно было самим добираться до дома, а

ведь раньше их с комфортом развозили по вытрезвителям. А потом грянуло несчастье: один мужчина умер от алкогольного отравления у себя дома, не получив своевременной медицинской помощи.

В общем, на очередном собрании вновь подняли тему вытрезвителей. «Нужно их вернуть! — выкрикнул один из участников. — Деревня не может без них!»

В результате здесь опять заработали вытрезвители, и жизнь возвратилась в привычное русло. Теперь, если кто-то из мужчин перебирал с выпивкой, его с улыбками направляли в «гнездо спасения», а утром ждали с бодрящим чаем и шутками. Деревня снова стала местом, в котором радость и смех переплетались с уважительной заботой о ближнем своем!

Леди Элтон

В одном малюсеньком островном королевстве, над владениями которого когда-то не заходило солнце, жил известнейший музыкант Элтон. Его песенки звучали повсюду, а стиль был настолько ярким, что и радуга тускнела. За заслуги в области музыки Элтон приобрел рыцарское звание «сэр», и все в парламентской монархии его обожали.

Однажды проходил грандиозный концерт. На сцене появилась таинственная леди в роскошном блестящем платье. Она пела настолько завораживающе, что у самых строгих критиков навернулись слезы умиления. В конце выступления исполнительница сняла маску, и публика узнала Элтона в новом образе!

Монарх Чарли III, увидев это, глубоко задумался. «Я вижу, у нас имеется сэр, поющий как леди!» — взволнованно сказал он. И, посовещавшись с министрами, решил забрать у Элтона титул «сэр», предоставив ему новый — «дама».

С той поры музыкант стал известен в качестве «дамы Элтон», и на его концертные выступления собиралось еще больше зрителей. Мужчина понял, что имеет значение не столько звание, сколько возможность демонстрировать всем свою истинную сущность. Пусть даже это означает ношение платья и высоких каблуков. А остров и весь мир продолжали наслаждаться музыкой этого противоречивого, но, безуслов-

но, талантливого человека!

Внезапный кактус

Однажды жители небольшого городка обнаружили, что на главной площади вырос гигантский кактус. Он был такой величины, что затенял половину территории площади, а его колючки блистали на солнце как драгоценные камушки.

Вначале люди были шокированы, но потом стали делать вид, что, в общем-то, ничего не произошло. Минуло несколько дней, и местный житель Данила не выдержал. Он пригласил горожан на собрание и воскликнул: «Все зачем-то делают вид, что у нас ничего не случилось! Но ведь еще как случилось! У нас на центральной площади возник кактус величиной с дом!»

В толпе был старик, который сказал с улыбкой: «Данила, ты не понимаешь. Кактус является просто новым жителем города. Он не мешает, а даже является украшением площади. Для чего нам лишний шум?»

И с той поры кактус превратился в символ их городка. Люди приходили к нему с детишками, фотографировались и устраивали праздники. А Данила, хоть и не понимал, как можно не придавать значения такому явлению, все же смирился и даже начал совершать под кактусом свои ежедневные утренние пробежки.

Итак, в маленьком городе все делали вид, что абсолютно ничего не произошло, и это «ничего» приносило им допол-

нительную радость!

Ее звали Володька

У Пантелеймона было пять дочек. Ежедневно ему приходилось иметь дело с очередными капризами своих детей, платьями, игрушками и нескончаемыми разговорами о моде. Хуже всего приходилось коту Герману, которому не давали ни минуты покоя. И вот когда дочери устроили в гостиной еще один модный показ, отец семейства не выдержал и стал кричать:

— Все, хватит! Я не могу так больше! У меня уже пять принцесс, а я хочу хотя бы одного мальчика! Следующего ребенка назову Володькой, даже если это будет снова девочка! Я так решил!

Жена не посмела спорить, кроме того, сохранялся 50-процентный шанс, что следующим ребенком будет мальчик. Но родилась опять девочка. Пантелеймон с гордостью объявил:

— Знакомьтесь, это Володька!

Дочки недоуменно переглянулись.

— Пап, но это же девчонка, а имя мужское! — дружно воскликнули они.

Упрямый отец, не растерявшись, сказал:

— Да, но она станет самой крутой девчонкой на свете! У нее будет собственная банда, и она станет вас всех защищать!

И действительно Володька стала не просто очередной доч-

кой, а подлинным лидером. Она организовывала веселые «девичники» с пиццей и просмотром фильмов. А если кто-то из сестриц не слушался, она показывала кулак и просто говорила: «А ты в курсе, что я Володька?!»

Все сестры знали, что с Володькой не шутят! А когда она выросла, то стала космонавтом и даже выходила в открытый космос!

Морщинистый соленый огурчик

Дед Игнатий был знаменит в своем городке не только талантом готовить закуски, но и глубокими познаниями правил этикета, в особенности если дело касалось застолья с водкой.

По пятницам у него собирались соседи, рассчитывающие провести вечер «тепло и атмосферно». Игнатий начинал с того, что выставлял на стол бутылку сорокоградусной и клал один маленький морщинистый соленый огурец — свое коронное блюдо. Старик уверял, что эти два элемента — основа подлинного русского застолья.

— Принципы этикета с водкой и морщинистым соленым огурчиком отрабатывались веками! — гордо произносил он, подмигивая приятелям.

Как-то к ним на встречу явился парень по имени Александр, только что вернувшийся из Москвы. Его переполняли новые идеи и модные тренды, и, разумеется, он не удержался от искушения поделиться столичными знаниями:

— Игнатий, ты не поверишь, но в лучших домах Москвы все пьют водочку под маслины и сыр! Это считается весьма стильно!

Соседи обменялись взглядами, а старик, сохраняя самообладание, заявил:

— Санек, в столице, возможно, и стильно, но у нас — ина-

че. У нас собственные традиции, и они точно не уступают московским.

Молодой человек, не желая сдаваться, предложил прибегнуть к эксперименту. Он сбегал за сыром и маслинами, и вскоре на столе началось настоящее сражение закусок. Соседи, веселясь от души, дегустировали новые угощения, но довольно быстро вернулись к выстраданной классике — морщинистому соленому огурцу.

— Ты понял? — спросил Игнатий, поднимая рюмку. — Этикет с водкой и морщинистым огурчиком отрабатывался столетиями не просто так. Это не рядовая закуска, а душа русского народа!

Александр не стал спорить. Он осознал, что суть традиций кроется не просто в привычках. Это часть культурного кода, наши скрепы, объединяющие людей. В этот вечер они пропустили по рюмочке за традиции, за дружбу и за то, что любой из них вне зависимости от предпочтений являлся частью чего-то огромного.

Итак, в небольшом городке, в котором правило закусывать водку морщинистым, раздавленным соленым огурчиком продолжало жить, дед Игнатий и молодой Александр стали друзьями. А еженедельные застолья приобрели дополнительную веселость и запоминаемость!

«Муж на час»

Доктор философии Васильев был известен своими научными трудами, но абсолютно не умел работать руками. Они, казалось, были даны ему только для держания книг и чашек с кофе.

И вот однажды у него возникла серьезная проблема — сломался кран на кухне. Подождав пару дней, не решится ли проблема сама собой, он осознал, что придется вызывать мастера. У него даже где-то валялась рекламная листовка с услугами «мужа на час».

Профессор позвонил, и через полчаса на пороге стояла девушка в рабочем комбинезоне и с инструментами.

— А где же муж? — спросил Евгений Евгеньевич.

Девушка рассмеялась:

— Я и есть тот самый «муж на час»! Гендерные стереотипы в наше время не в моде! Я мастер на все руки Валентина, — представилась она, улыбнувшись.

Васильев, немного смущенный, пригласил ее в дом.

— Я Евгений Евгеньевич, — сказал он, поправляя массивные очки. — У меня здесь… кран сломался.

— Не волнуйтесь, я все исправлю! — уверенным тоном сказала она, вынимая набор инструментов. — Какая же у Вас огромная квартира!

Пока Валентина работала, профессор не мог отвести от

нее взгляда. Она с такой ловкостью обращалась с инструментом, что он ощутил себя абсолютно беспомощным.

— Валентина, давно Вы… э… на почасовой оплате?

— С восемнадцати лет. С самого детства возилась с разными железяками и механизмами и поняла, что это мое.

Вдруг она оборотилась и, подмигнув, спросила:

— А Вы не желаете, чтобы я сделала что-то еще? Например, полочку повесила, лампочку вкрутила?

Профессор, со смущением потирая затылок, сказал:

— Полочка — это хорошо. Полочки всегда нужны.

Валентина рассмеялась и продолжила трудиться. Вскоре кран заработал как надо, и Евгений Евгеньевич в порыве благодарности предложил:

— Может, по чашке кофе?

— С удовольствием! — сказала она.

Пока профессор варил кофе, он рассказывал ей о своих философских статьях, которые могли бы быть интересны девушке. Но вскоре заметил, что та глядит на него с улыбкой, словно не совсем понимает смысл.

— А Вы не желаете пойти ко мне в научные помощницы? — предложил он. — Я сейчас как раз занимаюсь проектом по философской проблеме… как починить кран! Но зашел в тупик. Там, видите ли, есть несколько проклятых вопросов.

Она рассмеялась:

— Знаете, я предпочитаю практическую работу. Я лучше стану вашим постоянным «мужем на час»!

Она одарила его долгим, влажным взглядом:
— Продлевать будем?
Профессор задумался, а потом произнес:
— Кажется, я вспомнил. У меня же кровать не работает.
— А что с ней?
— Не работает.
— Что ж, пойдем проверим…

Ни о чем и еще немного меньше

Аркадий Павлович не писал книг. Он ими овладевал.

Он возлежал на софе, небрежно прикрыв наготу рассудка томиком постструктуралистов. Для него «сюжет» был чем-то вроде дешевого кружевного белья: слишком вызывающе, слишком доступно и — боже упаси — функционально.

— Сюжет — это для плебса, — прошептал он, медленно проводя пальцем по корешку издания без тиснения. — Это как… занятие любовью ради продолжения рода. Грубо. Прямолинейно. Никакой игры ума.

Он представлял себе эти «низкие» романы: вульгарную завязку, потную кульминацию и неизбежную, предсказуемую развязку. Фу. Настоящая литература не должна давать ответов. Она должна бесконечно дразнить, не доводя до финала.

Аркадий открыл тетрадь. Его перо дрожало. Он хотел создать текст, который был бы настолько лишен действия, чтобы читатель задыхался от эстетического воздержания.

— О, да… — простонал он, выводя первую фразу: *«Тень отсутствия вчерашнего предчувствия легла на кафель, не коснувшись его сути».*

Это было оно. Никаких героев. Никаких конфликтов. Только чистая, обнаженная статика. Он чувствовал, как метафоры сплетаются в тугой узел, не обещающий никакого

облегчения. Никакой интриги, которая, подобно навязчивой куртизанке, тянула бы читателя за рукав к последней странице.

Его дыхание участилось. Он описывал пылинку, зависшую в луче света, на протяжении сорока страниц. Это была высшая форма близости — когда между автором и читателем не стоит ничего, даже здравого смысла.

Когда через год издатель робко спросил, о чем, собственно, книга, Аркадий лишь презрительно сузил глаза:

— О чем? Как пошло. Она ни о чем. Она просто… есть.

Он закрыл глаза, наслаждаясь полной, абсолютной бессюжетностью. Это был литературный экстаз: триумф формы над содержанием, где никто не ушел удовлетворенным.

*

В своей следующей книге Аркадий почувствовал, что зашел на опасную территорию. Его текст становился слишком… ритмичным. А ритм — это уже почти пульсация, почти жизнь, почти, прости господи, динамика.

— Спокойно, — скомандовал он себе, поправляя шелковый халат. — Нужно еще больше стагнации. Больше герметичности.

Он решил ввести описание завтрака, но так, чтобы ни одна крошка не была съедена. Ведь потребление — это акт финализированный, а значит, глубоко порочный.

«Кофейная чашка стояла на столе, как невысказанный упрек пространству. Пар, лениво отделявшийся от черной

глади, не стремился ввысь — он лишь обозначал свое присутствие в координатах тщеты».

Аркадий замер. Его рука, сжимавшая перо, увлажнилась. Он чувствовал, как текст сопротивляется, как слова хотят сложиться в предложение, несущее смысл. Это было искушение. Смысл — это та самая «низкая» связь, которой грешат авторы детективов в мягких обложках. Они дают читателю то, что он хочет.

— А я не дам, — выдохнул он, покусывая губу. — Я буду томить тебя, мой воображаемый читатель, пока ты не взмолишься о малейшем глаголе. Но глаголов не будет. Только причастия. Только пассивный залог.

Он перешел к кульминации своего отсутствия сюжета. Это было описание пустого кресла в сумерках. Аркадий смаковал каждое прилагательное, как капли дорогого вина, которые не дают опьянеть, но вызывают мучительную жажду. Текст извивался под его пером, становясь все более тягучим, липким от избытка смысловых пустот.

В какой-то момент ему показалось, что он достиг абсолюта: страница была заполнена описанием того, как свет не падает на обои.

Это было чистое, дистиллированное искусство. Без пошлых обещаний хэппи-энда, без грязных интриг. Он откинулся на спинку стула, чувствуя полное опустошение. Литературный адюльтер с Вечностью состоялся.

— Божественно, — прошептал он, глядя на стопку листов.

— Никто ничего не поймет.

Это была высшая степень наслаждения — знать, что его книга останется нетронутой, как старая дева с безупречной репутацией.

*

Аркадий Павлович занес перо для последнего, самого радикального жеста. Он понял: пока на бумаге есть хоть одна буква, остается риск, что кто-то случайно нащупает в ней логику. А логика в высокой литературе — это как внезапно включенный свет в самый интимный момент: губительно и крайне нетактично.

— Чтобы достичь истинного катарсиса, — пробормотал он, и его глаза лихорадочно блеснули, — текст должен самоликвидироваться в сознании. Он должен быть настолько… никаким, чтобы читатель почувствовал себя не просто обманутым, а эстетически изнасилованным пустотой.

Он начал писать финальный абзац, где точка не была точкой, а была лишь порой на коже бытия. Слова становились все прозрачнее, эпитеты — все более бесплотными. Он довел описание отсутствующего кресла до такого накала, что само пространство в комнате, казалось, начало втягиваться внутрь страницы.

И вот — финал.

Аркадий медленно, с почти сладострастным стоном, вырвал из рукописи все страницы, где случайно промелькнуло хоть какое-то подобие действия. Затем он посмотрел на

оставшуюся стопку — триста листов чистейшего, девственно-белого цвета, на которых лишь кое-где виднелись капли его пота и едва заметные отпечатки пальцев.

— О, это шедевр, — выдохнул он, прижимая холодную бумагу к горящему лицу. — Ни завязки. Ни развязки. Ни единого слова, способного удовлетворить любопытство. Это не просто роман. Это обет молчания, возведенный в ранг культа.

Он представил, как критики будут судорожно искать в этой белизне смыслы, как они будут ласкать взглядами эту пустоту, пытаясь заполнить ее своими вульгарными интерпретациями. Но он был выше этого. Он оставил их в состоянии вечного, неразрешимого ожидания.

Аркадий Павлович аккуратно перевязал пачку пустых листов шелковой лентой, затянув узел максимально туго.

— Пора, — прошептал он, выходя за дверь.

Он оставил свою «книгу» на скамейке в парке, зная, что тот, кто ее найдет, испытает самое острое разочарование в своей жизни. А разочарование — это и есть высшая форма соприкосновения с Вечностью. Сюжет был мертв. Литература наконец-то стала свободной.

Аркадий чувствовал невероятную легкость. В его голове не было ни одной мысли. Он сам стал своим идеальным романом.

*

Геннадий, сантехник с лицом, изборожденным морщина-

ми жизненного опыта, присел на скамейку, чтобы перевести дух после смены и выкурить папиросу. Стопка листов, перевязанная лентой, манила его своей неуместной чистотой среди облетевшей листвы.

— О, — хмыкнул Геннадий, отбрасывая окурок. — Интеллектуальные сокровища бесхозные.

Он потянул за шелковый узел. Тот поддался мягко, податливо, с едва слышным скольжением ткани о бумагу. Геннадий ожидал увидеть там хоть что-то — лихую погоню, страстную измену или хотя бы инструкцию к насосу. Но под обложкой его ждала ослепительная, пугающая белизна.

Он перевернул одну страницу. Пусто. Вторую. Стерильно. На сороковой странице он замер, вглядываясь в едва заметный отпечаток пальца Аркадия Павловича.

— Ишь ты, — прошептал сантехник, и по его спине пробежал странный холодок. — Это ж надо было так… ни о чем.

Он листал дальше, и в какой-то момент эта абсолютная пустота начала на него давить. Ему казалось, что книга смотрит на него, как раздетая женщина, которой нечего скрывать, потому что у нее нет даже кожи. В этом вакууме было что-то глубоко непристойное. Это было отсутствие сюжета, доведенное до бесстыдства — как в фильмах для взрослых.

Геннадий почувствовал, как в нем нарастает неясное томление. Ему захотелось немедленно взять огрызок карандаша и написать хотя бы «Здесь был Гена», чтобы осквернить эту святую тишину, чтобы дать этому тексту хоть какую-то за-

цепку, хоть какой-то паршивый конфликт.

Но он не смог. Рука не поднялась нарушить этот триумф небытия.

— Великая вещь, — выдохнул Геннадий, чувствуя, как его привычный мир рушится. — Никакой пошлятины с этими вашими смыслами. Просто… белое.

Он аккуратно сложил листы обратно, чувствуя себя странно опустошенным и в то же время возбужденным этой интеллектуальной бездной. Он ушел, оставив рукопись на скамейке, и всю дорогу до дома его мучило ощущение, что он только что соприкоснулся с чем-то настолько чистым, что за это полагается как минимум три года расстрела.

Аркадий Павлович, наблюдавший за этой сценой из-за кустов, довольно прикрыл глаза. Читатель был не просто удовлетворен — он был уничтожен.

*

На следующее утро в «Вестнике Культурного Вакуума» вышла колонка ведущего критика Эдуарда Самолюбова. Текст назывался «Белизна как высший предел глагольности».

«Вчера на скамье городского парка мною был обнаружен Текст, который ставит окончательный крест на вульгарной привычке литературы сообщать нечто читателю», — писал Эдуард, потирая воспаленные от эстетического восторга веки.

«Автор, чье имя слишком сакрально, чтобы быть напе-

чатанным, совершил акт предельного литературного эксгибиционизма: он обнажил саму структуру бумаги. Отсутствие букв в этой рукописи — это не пустота. Это густая, почти неприличная концентрация смыслов, которые настолько велики, что побоялись воплотиться в грязные формы слов. Каждая пустая страница — это метафора неосуществленного желания. Это роман-аскет, роман-монах, который дразнит нас своей недоступностью. Это ли не истинное сладострастие духа? Когда сюжет не входит в тебя грубо и предсказуемо, а оставляет в состоянии вечной, мучительной прелюдии, не заканчивающейся ничем, кроме глубокого экзистенциального вздоха».

Критик закончил статью утверждением, что любая попытка прочесть эту книгу — это изнасилование замысла, и призвал правительство запретить использование алфавита в художественных целях как признак «жанровой проституции».

Аркадий Павлович читал это, сидя в кофейне, и чувствовал, как по его интеллектуальному позвоночнику пробегает дрожь абсолютной власти. Он достиг апогея. Он был автором самого продаваемого романа, которого не существовало.

*

Аркадий Павлович стоял перед зеркалом, застегивая верхнюю пуговицу сорочки. Рецензия Самолюбова лежала на комоде, как использованный билет в рай. Город за окном бурлил, задыхаясь в тисках смыслов, новостей и пошлых причинно-следственных связей, но в его квартире цари-

ла тишина абсолютного вакуума.

Он взял в руки перо — то самое, которое еще вчера дрожало от близости к Великому Ничто. Теперь оно казалось ему тяжелым, как могильная плита.

— Все сказано, — прошептал он своему отражению, и его голос прозвучал как шелест чистой страницы. — Даже молчание, облеченное в бумагу, становится формой обладания. А истинный гений не должен обладать. Он должен отсутствовать.

Он понял, что даже пустые листы были слишком… материальными. Слишком осязаемыми. В них все еще таилась пошлейшая надежда на то, что их кто-то найдет.

Аркадий подошел к окну и посмотрел на свои пальцы, испачканные в невидимых чернилах вечности. Он осознал последнюю, самую сладкую истину: высшая точка литературы — это книга, которую автор даже не помыслил написать. Это сюжет, который не возник даже в виде импульса в нейронах.

— Сюжет — это грех, — выдохнул он, чувствуя, как экстаз бездействия разливается по телу. — Слово — это падение. Великая литература — это не текст. Это…

Он не договорил. Он оборвал фразу на самом взлете, не позволив ей осквернить тишину смыслом. Это был его личный финал: обрыв, пустота, отсутствие точки.

Аркадий Павлович закрыл глаза и перестал быть автором. Он стал чистым полем, на котором никогда не вырастет ни одного сорного глагола.

Колобок женится

Жил-поживал Колобок. Он любил кататься по дорожкам и петь веселые песенки. Но вот однажды он мчался по лесной тропинке и увидел Бабу-Ягу. Она жарила пышки, которые выглядели так аппетитно, что Колобок разволновался. Он, как настоящий романтик, подумал, что пора ему обзавестись женой.

— Баба-Яга, — сказал он, — какие аппетитные пышки ты готовишь! Может, дашь мне одну?

— А зачем тебе? — удивилась Баба-Яга. — Ты же не ешь мучного!

— Я хочу жениться, — признался Колобок, покраснев.

Колдунья еще сильнее удивилась:

— На ком же, интересно?

— Так на тебе, конечно, — еще сильнее покраснел Колобок. — Не хочешь стать моей женой?

— Не поняла, — совсем уж изумилась Баба-Яга. — А пышка тебе зачем?

— А пышка мне нужна… как обручальное кольцо.

Баба-Яга усмехнулась:

— Колобок, ты, безусловно, миленький и симпатичный. Но я не могу пойти за тебя замуж. У меня есть кое-какие «прихоти», и ты не сумеешь их удовлетворить!

Колобок не растерялся и предложил:

— А давай я каждый день буду приносить тебе свежих грибов и ягод!

Ведьма задумалась и, сощурившись, сказала:

— Ладно, посмотрим. Ты пока катись своей дорогой, а я подумаю!

Колобок обрадовался, покатился еще быстрее, но вскоре его остановила Лиса:

— Эй, Колобок! Ты совсем спятил? Тут слухи ходят, что ты собрался жениться на Бабе-Яге! Она же тебя просто съест!

— Не волнуйся, — ответил Колобок, — я ей буду свежих ягод и грибов приносить, и она меня не тронет! Ну, а если съест, так без мужа останется!

Лиса, усмехнувшись, сказала:

— Она же старая и страшная. А ты милый и симпатичный. И младше ее… в семьсот раз!

— А мне все люди на одно лицо, — засмеялся Колобок. — Лисы, кстати, тоже.

Рыжая сначала опешила, а потом хитро улыбнулась:

— Ты, милый мой, не знаешь одного секрета. Сядь-ка на мою мордочку, я тебе его шепну!

— Извини, Лисонька, спешу. Надо грибы собирать и ягоды. Свадьба у меня скоро. Приглашаю!

На следующий день Колобок снова явился к Бабе-Яге — нарядный, с подарками. А колдунья, глядя на его стремление, подумала: «Ну, с таким мужем точно не соскучишься!»

Она сказала:

— О, Колобок, потешил ты старуху. Но имей в виду, что я не просто женщина, а настоящая колдунья. У меня есть свои тайны!

— Я готов узнать про каждую твою тайну, — сказал Колобок, строя невесте глазки. — Главное, чтобы эти тайны были сладкими!

В общем, так они и стали встречаться. Колобок прикатывался к ней каждый вечер, а ведьма готовила для него пышки и сладкие зелья. И хотя их отношения многие лесные жители считали немножко странными, они оба чувствовали себя счастливыми.

В конце концов, пара решила, что пора узаконить отношения. Они позвали всех жителей леса на свадьбу. Когда колдунья появилась у алтаря, все ахнули: Баба-Яга была молода и так неотразима, что даже в зеркале не отражалась!

— Ну что, Колобочек, готов к жизни с колдуньей? — спросила она, подмигивая и поправляя роскошные волосы.

— Готов, — сказал он, — и к первой брачной ночи тоже!

И с того дня Баба-Яга и Колобок зажили счастливой семьей. А обитатели леса обсуждали, как же будут выглядеть их дети!

Зависть к Дмитрию Анатольевичу

Прохор сидел на диване, пил чай и листал ленту в социальных сетях. Вдруг он наткнулся на сообщение Дмитрия Анатольевича: «Сегодня опять ничего не делаю, всего лишь наслаждаюсь жизнью!» Парень задумался: «Везет же человеку!»

В этот момент Прохору пришла на ум гениальная идея. Он понял, что тоже может стать «ничегонеделателем», и завел блог. Первый его пост был такой: «Сегодня я принципиально ничего не делаю, только смотрю в окошко».

Правда, Прохор сразу же вспомнил, что ему надо ходить на работу, у него семья и даже кошка, требующая внимания. «Ладно, — сказал молодой человек, — что-то делать все равно придется, но на перерыв я имею право». Он взял пульт от телевизора и включил кулинарную передачу. За час он «приготовил» три блюда в собственном воображении.

На следующий день у Прохора выдался тяжелый рабочий день. Он еле дотащился до дома, а в соцсетях его ждал новый пост Дмитрия Анатольевича: «Сегодня размышлял о смысле жизни».

Парнем вновь овладела зависть: «Как же ему это удается?!» Прохор решил, что ему тоже надо поразмыслить. Он устроился на диване, закрыл веки и… уснул.

Через пару дней на экране опять месседж Дмитрия Ана-

тольевича: «Сегодня ровно пять лет, как ничего не делаю, а зарплата капает!»

«Учитель, — прошептал Прохор. — Гуру!» Он понял, что ему необходимо больше практиковаться.

В конце концов парень тоже стал продвинутым «ничегонеделателем». С работы он уволился и сосредоточился на блогерстве. Ежедневно Прохор выкладывал фотографии своей персоны, сидящей на диване с пультом в руке. Подписи были примерно такими: «Смотрю, как остальные работают!»

И, о чудо, его блог становился все популярнее, появились кое-какие деньги. Люди стали писать: «Прохор, ты нас вдохновляешь!» Парень осознал, что порой просто валяться на диване, селфиться и что-то постить — тоже труд. Читая очередное откровение от Дмитрия Анатольевича, он улыбался и думал: «Вот оно, счастье! Важно только правильно выбрать ракурс для селфи!»

Пятница 13-го

В этот день в офисе фирмы «Белый кот» царила гнетущая атмосфера. Еще бы — пятница тринадцатого! Потому и разговоры были в основном не о рабочих вопросах, а о суевериях.

Экономист Константин, человек с вечно серьезным и озабоченным лицом, рассказал: «Я в этот день принципиально не прикасаюсь к деньгам. Однажды купил билет в Хургаду, а отпуск оказался настолько ужасным, что вспоминать не хочется. Со мной случилось все плохое, что только могло случиться». Все с пониманием закивали.

Офис-менеджер Екатерина тоже была суеверной: «А я в пятницу 13-го не бегаю. Как-то в этот день догоняла автобус на остановке и сломала ногу. Потому теперь иду осторожно даже к холодильнику!» Девушка продемонстрировала всем, с какой «осторожностью» она передвигается, и присутствующие засмеялись.

Юрист Степан всегда отличался пессимистичными взглядами на жизнь: «А я в такие дни никогда и нигде не ставлю свою подпись. Как-то расписался в какой-то бумаге, а вскоре меня уволили. Так что сегодня меня ничто не заставит даже ручку в руку взять!» Он гордо продемонстрировал свою пустую ладошку, словно это было его оружием противостояния судьбе.

Однако ближе к вечеру в кабинет вбежал улыбающийся бухгалтер: «Ребята, у меня прекрасная новость! Сегодня мы выдаем тринадцатую зарплату! Поспешите в кассу, она скоро закрывается!»

Все три работника застыли на месте. «Может, в понедельник получим?» — неуверенно предложила офис-менеджер Катя. «А может, вообще откажемся? — съязвил юрист Степа. — Она же тринадцатая!» Экономист Костя, поколебавшись мгновение, воскликнул: «К чертям ваши суеверия!» и вскочил из-за стола.

Все, будто по команде, ринулись к кассе. Екатерина, забыв про когда-то сломанную ногу, мчалась так стремительно, что за ней оставалось облачко пыли. Степан, который никогда не расписывался в пятницу тринадцатого, готов был поставить подпись в ведомости, даже не читая документ. Константин, который уверял, что не прикоснется к деньгам, теперь радостно предвкушал, как у него в руках зашелестят купюры!

Что тут можно сказать? Бабло снова победило зло!

Привет, Архимед!

Архимед, глубоко погруженный в размышления о физических законах, решил слегка отвлечься и искупаться в ванне. Он наполнил ее и, когда хотел уже лезть в воду, неожиданно заметил, что там кто-то плещется. Это была прекрасная обнаженная девушка с огненно-рыжими волосами и озорными глазами.

— Привет, Архимед! — засмеялась она.

— Ты кто? — удивился ученый.

— Я Эврика. Я пришла сюда, дабы вдохновить тебя на великие открытия!

Архимед, немного смущенный, но заинтересованный, спросил:

— Откуда же ты узнала, что я тут?

— Я почувствовала, что ты близок к большому открытию! — ответила Эврика и подмигнула. — И решила, что чуть-чуть веселья тебе не повредит.

Ученый, улыбнувшись, залез в ванну, и вдруг его осенило. Он радостно закричал:

— Эврика! Я додумался, как можно померить объем тела, которое погружено в воду!

— Ну, это же элементарно, — засмеялась она. — Но ты узнал больше: то, что вдохновение порой подкарауливает в самом неожиданном месте!

Архимед не только стал первооткрывателем закона, названного его именем, но и нашел свою любовь в лице Эврики. Совместно они продолжили изучать науку. И всякий раз, когда он набирал ванну, он знал, что там его будет ждать любовь и вдохновение!

Новый закон довел до экстаза

Правительство наконец-то нащупало ту самую «точку роста», которая мешала экономике вздохнуть полной грудью. Новый законопроект о запрете цоканья языком при виде ценников ворвался в жизнь граждан внезапно, словно расстегнувшаяся на публике молния.

Ирина стояла в отделе деликатесов, чувствуя, как внутри нарастает запретное томление. Перед ней, в глянцевой витрине, лежал он — сыр «Пармезан» двенадцатилетней выдержки. Его грани были так остры, а цена — так вызывающе высока, что у Ирины перехватило дыхание.

Раньше она бы просто выдала громкое, раскатистое «Ц-ц-ц!», сочно ударив языком о верхнее нёбо, и пошла дальше. Но теперь это было вне закона. А запретный плод, как известно, сладок до дрожи в коленях.

Она чувствовала на себе пристальный взгляд дежурного инспектора по этике, чей форменный галстук был затянут так туго, что казалось, он сам едва сдерживает стон. Ирина медленно перевела взгляд с сыра на ценник. Пять нулей смотрели на нее с бесстыдным бесстыдством.

Влажный кончик языка непроизвольно дернулся. Она знала, что нельзя. Это было греховно. Это было административно наказуемо. Но искушение было слишком велико.

Она приоткрыла губы — совсем чуть-чуть, ровно настоль-

ко, чтобы пропустить тонкую струйку воздуха. В магазине повисла тягучая, интимная тишина. Сосед у прилавка с икрой, крепко сжимая тележку побелевшими пальцами, замер, ожидая ее падения.

Ирина зажмурилась. Ее нёбо горело. Она представила, как совершает это — резкое, дерзкое движение, порождающее характерный звук, выражающий всю глубину ее социального протеста и потребительского отчаяния.

— Девушка, вам подсказать? — прошептал продавец, и в его голосе слышалась хрипотца соучастника.

Ирина не выдержала. Она подалась вперед, почти касаясь стеклянной витрины, и вместо запрещенного «цоканья» выдала протяжный, вибрирующий выдох, переходящий в едва слышный всхлип.

Инспектор по этике вздрогнул. Его блокнот выпал из рук. По закону придраться было не к чему, но воздух в отделе сыров стал таким густым, что его можно было намазывать на хлеб вместо масла.

— Я… я просто смотрю, — прошептала она, чувствуя невероятную легкость в теле.

Она уходила из магазина летящей походкой, зная, что дома, в полной темноте и безопасности, она отцокается за весь этот вечер. Громко, страстно и совершенно бесплатно.

Но на выходе из магазина Ирину все же настиг инспектор. Он двигался плавно, почти кошачьей походкой, и в его глазах читалось профессиональное возбуждение.

— Гражданочка, — приглушенно произнес он, прижимая ее к стойке с акционными журналами. — Я видел, как дрожали ваши губы у пармезана. Это было… на грани.

Ирина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Инспектор стоял так близко, что она видела эмблему Минфина на его пуговицах.

— Я не нарушала, — дерзко ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Выдох не запрещен подзаконными актами.

— Выдох был слишком акцентированным, — инспектор медленно достал чистый бланк протокола. Его палец скользнул по бумаге, оставляя едва заметный след. — Это была явная подготовка к несанкционированному извлечению звука. Вы дразнили систему.

Он наклонился к ее уху, и его голос стал похож на шелест крупных купюр:

— Знаете, что мне за это будет? Премия. А знаете, что будет вам? Принудительное посещение курсов «Радостного принятия инфляции». Вас научат смотреть на ценники с немым обожанием.

Ирина закусила губу, понимая, что ситуация накаляется. Вокруг них начали собираться другие покупатели — они стояли, затаив дыхание, словно ждали, что кто-то первый сорвется и огласит зал оглушительным, коллективным цоканьем, превращая супермаркет в оргию непослушания.

— А если я… — Ирина понизила голос до интимного регистра, — если я покажу вам, как я умею молчать на ценник

за черную икру?

Инспектор сглотнул. Его рука с ручкой замерла над графой «правонарушение».

— Это… это коррупционное предложение? — хрипло уточнил он.

— Это демонстрация глубокой лояльности, — парировала она.

Ирина медленно повернула голову к витрине с деликатесами, где на золотистой подложке лежала банка икры по цене подержанного автомобиля. Она смотрела на нее долго, вызывающе, с такой немой страстью, что инспектор почувствовал, как у него вспотели ладони. Ее молчание было громче любого крика. Оно было элитным. Оно было высшего сорта.

Инспектор медленно порвал протокол.

— Идите, — прошептал он, поправляя фуражку. — Но если я еще раз увижу эту амплитуду языка у молочного отдела… я буду вынужден применить спецсредства.

Ирина вышла на ночную улицу, чувствуя себя абсолютно опустошенной и странно довольной. Экономика страны была в безопасности, но ее личный дефицит только начинал требовать своего.

Дома Ирина не стала включать свет. Атмосфера требовала интимности и полной концентрации. Она скинула туфли, бросила сумочку на кресло и подошла к кухонному столу, на котором лежал забытый с утра рекламный буклет элитных товаров.

На глянцевой странице красовалась двухуровневая квартира в центре с панорамными окнами и ценой, количество цифр в которой напоминало номер телефона международной линии.

Ирина глубоко вдохнула, чувствуя, как внутри разливается сладкое предвкушение. Здесь ее никто не видел. Никаких инспекторов, никаких скрытых камер, никаких штрафов. Только она и эта вызывающая, бесстыдная сумма.

Она прижала кончик языка к нёбу — медленно, смакуя каждое мгновение подготовки. Влага во рту стала вязкой, как ликер. Она чувствовала, как напрягаются мышцы лица. Это была прелюдия к настоящему запретному удовольствию.

И вот оно случилось.

— Ц-ц-ц-ц-ц! — сочно, раскатисто, с оттяжкой выдала она.

Звук получился таким влажным и глубоким, что по стенам, казалось, пошла вибрация. Ирина зажмурилась, ощущая, как по телу пробежала волна чистейшего потребительского экстаза. Но ей было мало. Она перевернула страницу, где предлагались яхты с отделкой из кожи девственного крокодила.

— Ц-ц-ц! Ох… ц-ц-ц! — стонала она, наращивая темп.

Это была настоящая симфония неповиновения. Она цокала ритмично, то ускоряясь, то делая томительные паузы, пока ее дыхание не сбилось окончательно. В этот момент Ирина была самой свободной женщиной в стране.

Вдруг в стену неистово застучали.

— Симонова! — раздался за стеной приглушенный, но полный зависти голос соседа. — Прекращай там! Я по звуку слышу, что ты на пентхаусы цокаешь! Побойся бога, я тут на пачку масла еле сдерживаюсь!

Ирина замерла, тяжело дыша и облизывая пересохшие губы. В кухонном окне отражалась ее довольная улыбка.

— Завидуй молча, Петрович, — прошептала она, прижимая буклет к груди. — У меня сегодня… безлимит.

Умный пылесос

Свою маленькую квартиру холостяк Федор ласково называл «мой свинюшник». Но с пылью и грязью надо было что-то делать. Жену ради такой мелочи заводить не хотелось, поэтому наш герой принял другое решение.

И вот в квартире Федора появился помощник в виде умного робота-пылесоса. Хозяин нарек его Робертом. С первого взгляда он походил на обычный пылесос, но внутри него находилась сложная программа, обещавшая существенно облегчить жизнь владельцу «свинюшника».

Как только Роберта включили, он восторженно бросился исследовать пространство. Но продолжалось это недолго. Устройство вдруг остановилось, осмотрелось и, казалось, приняло решение. Внезапно пылесос развернулся и быстро-быстро покатился к двери, будто собирался сбежать. К счастью, дверь была закрыта.

Федор, не ожидавший такого поведения от механизма, в недоумении закричал: «Роберт, куда ты? Ты же пылесос!» Но машина, не обращая внимания на человека, продолжала тыкаться в дверь. Пылесос, по всей видимости, решил, что жизнь вне квартиры будет куда лучше.

Федор бросился к нему, а устройство угрожающе зажужжало. Роберт продолжал биться в дверь, а хозяин схватил своего круглого друга и поднял на руки. Постепенно пыле-

сос стал жужжать менее нервно, и Федор опустил его на пол. Словно осознав неотвратимость судьбы, умный гаджет начал тихонько пылесосить пол. Хозяин еще пару минут понаблюдал за новым другом и занялся своими делами.

Через пару дней случилась беда — Федор пошел выносить мусор и оставил дверь открытой. А Роберт, видимо, этого и ждал. Он выкатился на лестничную клетку, наполненный решимостью изучить мир за пределами жилища.

Федор, стоя у мусоропровода пролетом выше, увидел, как Роберт катится к ступенькам. Парень бросился на перехват, но пылесос, кувыркаясь, уже с грохотом катился вниз. «Нет, дружище!» — закричал Федор, но все было кончено. Устройство разбилось, оставив за собой следы из обломков и пыли. Хозяин, поднимая железяку, подумал, что надо было брать пылесос поглупее, не такой щепетильный!

Грамотная упаковка

Отзывчивый и добрый Александр всегда был готов прийти на помощь. Увы, его доброта никак не сказывалась на его личной жизни, возможно, даже являлась помехой. Девушки не замечали его, и молодой человек начал задумываться, в чем же здесь дело.

Как-то он сидел в кафетерии с друзьями и услышал о том, что современный мир таков, что человеку нужна «упаковка». Один из приятелей полушутя сказал: «В наши циничные времена даже самой замечательной душе нужна высококачественная и яркая упаковка». Эти слова застряли в голове Александра.

Со следующего же дня он решил скорректировать свой имидж. Ведь имидж у человека есть всегда, даже если сам человек об этом никогда не задумывается. Александр купил несколько новых стильных вещей, взял абонемент в тренажерный зал и даже начал читать книгу по ораторскому искусству. Парень стал выглядеть и ощущать себя более уверенным. Его друзья обратили внимание на изменения и одобрили его начинания.

Несколько недель спустя он пошел на многолюдную вечеринку, где присутствовали те, кого Александр раньше стеснялся. Сегодня же, «упакованный по-новому», он смело приблизился к группе девушек и представился: «Привет, я

Алекс».

Девчонки были впечатлены его обаянием и харизмой. Вечеринка прошла прекрасно, и наш герой понял, что для его души, которая по-прежнему оставалась чуткой и благородной, наконец-то найдена достойная упаковка.

С той поры он не только стал пользоваться популярностью у девушек, но и нашел для себя ту единственную… При этом Александр продолжал заниматься развитием своих личных качеств. Он теперь осознавал: никто не узнает, какой ты прекрасный человек, если ты не умеешь это продемонстрировать. А упаковка является всего лишь возможностью донести до окружающих прекрасную душу, живущую внутри тебя!

Дискотека

На школьной дискотеке царил дух радости и веселья. Музыка гремела, а подростки танцевали, позабыв про все заботы. В уголке зала висело пальто одной из девчонок, яркое и заметное. Но вот незадача — Глеб, школьник с плохим зрением, с трудом различал детали, а очки он забыл дома.

Тем не менее юноша решил, что самое время проявить себя, подкатил к «девчонке» и начал танцевать. Глеб не сомневался, что это его одноклассница Вика, с которой он давно хотел познакомиться поближе. Возле него кружились товарищи, смеясь и подбадривая его.

«Ты нынче классно танцуешь!» — крикнул кто-то из толпы, и Глеб, расправив плечи, стал еще интенсивнее двигаться в такт музыки. Юноша не замечал, что в действительности танцует с Викиным пальто, а не самой Викой.

Он осознал свою ошибку лишь тогда, когда полез обниматься с одеждой. В зале уже все хохотали. Глеб, покраснев от смущения, отпрянул от пальто и заявил: «Ну, хотя бы у меня есть стильная партнерша!»

С того вечера его прозвали «танцующий с пальто», и эта история стала одной из самых веселых школьных былин. Танец между Глебом и Викторией все же вскоре состоялся, а после школы они поженились. Вот так!

Допинг

В селе Спортивное проводили традиционные соревнования. Все население с нетерпением ждало данного события, поскольку здесь каждый житель мечтал о медали.

В марафоне участвовало трое: Добромир, Доброслав и Забава. Каждый из них настроился на победу, но не совсем обычными методами. Добромир, к примеру, решил прибегнуть к помощи «волшебного» энергетика, который он купил как раз у Доброслава.

Сам Доброслав накачался «суперпротеином», который он лично изготовил из редких ягод. Они росли только на высокой горе и содержали убойную дозу мельдония. А Забава думала, что ей просто повезет, поэтому вооружилась только удачей.

Состязания начались. Парни рванули с места, словно за ними гнались буйволы. Добромир, выпив свой энергетический напиток перед стартом, ощущал прилив сил. Он бежал с такой быстротой, что даже ветер не поспевал за ним. Доброслав, увидев это, также прибавил скорости. Но его протеиновый суперкоктейль оказался настолько мощным, что парень чуть не оторвался от земли.

Забава же трусцой преодолевала дистанцию, иногда останавливаясь, чтобы сорвать понравившийся цветок, поиграться со встретившейся кошкой или пообщаться с болель-

щиками. Спешить некуда, думала девушка.

На финише Добромир на одну секунду опередил Доброслава. Они оба рухнули на землю, задыхаясь. А Забава, добежав на час позже остальных, победно вскинула руки. Бронзовая медаль — тоже результат.

Однако в этот момент и началось самое интересное. Доброслав, не желая мириться со вторым местом, рассказал судьям, что его соперник принимал допинг — запрещенный энергетик. Парень даже предоставил видеодоказательство, как Добромир покупает у него этот препарат.

Самого же Доброслава подвел фиолетово-пурпурный цвет языка. Все сразу поняли, что это у него от ягод с мельдонием. В итоге обоих парней дисквалифицировали, а золото присудили Забаве.

— Как тебе это удалось? — спросили ее.

— Все очень просто, — ответила она, улыбаясь. — Я же знала, что сегодня главное в спорте — не попасться на допинге!

Вы все меня бесите!

Савелий не был злым человеком, но многие люди его бесили, особенно те, кто не понимал, что они его бесят.

Каждый вечер Савелий заходил в магазин за хлебом и молоком. И всякий раз его доводила до бешенства продавщица Марина, которая, видимо, не догадывалась, насколько сильно она его раздражает. Девушка всегда спрашивала: «Савелий, как дела?» и принималась рассказывать про свою кошку Мусю.

Как-то Савелий решил, что настало время с этим покончить. Он явился в магазин с плакатом: «Марина, я тебя не люблю!» Но девушка, как всегда, ничего не поняла. Она лишь улыбнулась и заявила: «Ой, Савелий, ты такой смешной!»

Парень решил действовать радикальнее. На Хэллоуин он надел костюм Дракулы и пришел в магазин. Там он стал кричать: «Марина, я Дракула, и я тебя не люблю!» Продавщица, не обращая внимания на его слова, просто сказала: «Интересный у тебя костюм, Сава! Ты всегда меня удивляешь!»

Молодой человек был в отчаянии. Может, нужно просто игнорировать Марину? Но когда он перестал с ней разговаривать, девушка начала волноваться: «Сава, ты что, нездоров? Почему ты молчишь?»

Савелий попробовал другой подход. Он зашел в магазин

в наушниках и делал вид, что ничего не слышит вокруг из-за музыки. Продавщица, не растерявшись, приблизилась, оттянула один наушник и закричала: «А у меня вот опять кошка заболела!»

Савелий, сняв наушники, закричал: «Как ты это делаешь?! Ты что, не понимаешь, как ты выбешиваешь меня?!»

Марина, смеясь, ответила: «Сава, я как раз вижу, что это не так. Вокруг полно магазинов, но ты каждый день заходишь именно в наш!»

В результате Савелий понял, что, вероятно, дело не в Марине, а в нем самом. С той поры парень стал самым добродушным и разговорчивым клиентом в магазине. А Марина, заметив эти изменения, даже подарила ему котенка. Потом, разумеется, и до свадьбы дошло, и жили они, в общем-то, счастливо!

В Интернете кто-то опять неправ!

Аскольд обожал спорить в Интернете. По вечерам он садился за компьютер и принимался сражаться с нескончаемым потоком «глупцов и буратин недоструганных».

Однажды его жена Екатерина увидела, что Аскольд опять за компьютером. Она сказала ему:

— Дорогой, ложись спать.

— Не могу, — заявил он, не отрываясь от монитора. — В Интернете вновь кто-то неправ!

Екатерина вздохнула и решила оказать помощь супругу. Она присела рядом и спросила:

— А ты на сто процентов уверен, что прав именно ты?

Аскольд задумался на мгновение, но тут же отмахнулся:

— Конечно, я прав, как же иначе?! В общем, не мешай, женщина!

Екатерина, не желая сдаваться, спросила:

— Допустим, ты прав, но почему тут уже трое в комментариях назвали тебя дураком?

Аскольд, не растерявшись, парировал:

— Это же обычные тролли! Они не врубаются, что я занят научной дискуссией!

Екатерина усмехнулась:

— Научной? Ты же споришь на тему, кто лучше — кошки или собаки!

Аскольд гордо заявил:

— Это немаловажный вопрос! Я обязан защитить честь кошек!

Екатерина наконец решила положить этому конец и отключила компьютер:

— Все, хватит, интернетоман! Ложись в постель, а с утра я тебе расскажу, кто в действительности прав!

Аскольд недоуменно спросил:

— И кто?

— Я, — улыбнулась жена. — И это не обсуждается!

Вскоре они уснули, а Всемирная паутина на ночь осталась без мудрых комментов Аскольда. С той поры он стал ложиться вовремя, а споров о собаках и котах вообще стал избегать. Екатерина же, довольная, понимала, что в Сети всегда найдутся те, кто неправ, но спать важнее!

Госуслуги — космический сервис!

Однажды Тимофей залез за какой-то надобностью на «Госуслуги». Парень повзаимодействовал с недружественным интерфейсом, потыкал какие-то кнопки, но так и не смог решить свою проблему.

Однако на следующий день ему поступило уведомление: «Поздравляем! Вы зачислены в отряд космонавтов!» Тимофей удивился, но подумал: «А почему бы и нет?» Он быстро собрался, сдал своего кота-тезку на содержание соседям и отправился в центр подготовки.

И вот первое занятие. Инструктор, посмотрев на его растерянное лицо, поинтересовался:

— Почему Вы решили стать космонавтом?

Тимофей пожал плечами и ответил:

— Дык, просто нажал что-то на «Госуслугах».

В аудитории раздался смех, но Тимофей не растерялся. Парень решил: если уж занесло в такое место, то надо относиться ко всему с юмором.

На подготовку ушло несколько месяцев, и вот он уже на космической станции. Когда Тимофей под позывным Кот впервые вышел в открытый космос, ему вдруг вспомнилось, с чего все началось. Он улыбнулся и, глядя на планету Земля, сказал в микрофон:

— Если бы не сайт «Госуслуги», я бы сейчас лежал на ди-

ване и смотрел телик!

Эти слова разлетелись по всем новостям, и Тимофей стал не только покорителем звезд, но и интернет-звездой. Его история вдохновила многих. Порой для изменения своей судьбы нужно лишь пощелкать мышью в правильном месте!

Йога-дискотека

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.